

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Антоновой Александры Николаевны

на тему: «Синтаксис числовых сочетаний по данным летописных и

деловых памятников конца XIV – XVII вв.»

по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России»

Тема диссертация А. Н. Антоновой вполне традиционна для исторической русистики. Эволюция синтаксического поведения числительных неоднократно становилась предметом исследований в связи с историей их становления как части речи, и ее общие контуры известны в настоящее время уже достаточно хорошо, как и картина древнерусской эпохи, детально описанная в фундаментальной монографии О. Ф. Жолобова. Однако конкретные пути, которыми эта эволюция шла в старорусский период, ее абсолютная и относительная хронология, динамика протекания в текстах разной региональной и жанровой принадлежности оставляли простор для уточнений, которым и посвящена диссертация. Актуальность ее темы, таким образом, не вызывает сомнений. Новизна же диссертации определяется в первую очередь выбором круга исследуемых источников: летописные и актовые памятники конца XIV – XVII вв., на материале которых выполнена работа, никогда раньше не рассматривались в данном отношении и в своей совокупности образуют весьма репрезентативный текстовый корпус, дающий основу для объективных историко-лингвистических выводов. Документальные и летописные источники подобраны таким образом, чтобы по возможности равномерно представлять различные периоды в рамках эпохи, охватывающей более трех столетий. Важно и то, что материал исследуется с учетом специфики конкретных

памятников и комплексов документов, определяющей характер их лингвистической информативности.

Три главы диссертации посвящены основным проблемным блокам синтаксиса числительных. В первой главе анализируются простые числовые группы, наиболее подробно – с числительными малого количества (малый квантитатив, по О. Ф. Жолобову), во второй – конструкции с числительными, аппроксимативные и обозначающие точное количество; в третьей – два аспекта согласовательной связи в нумеративных контекстах: согласование числовых сочетаний с глаголами и оформление числовых групп, содержащих определение. Во всех трех главах автор последовательно описывает материал по группам памятников, опираясь на полный учет релевантных примеров. Анализ материала предпосланы вводные разделы, в которых, с учетом новейшей литературы, характеризуется состояние соответствующих грамматических явлений в современном русском языке, а также излагаются основные выводы, ранее сделанные на материале древнерусских и старорусских текстов. Эти историографические экскурсы составляют хорошую теоретическую основу для изложения собственных наблюдений автора, а полнота учета материала позволяет сделанным выводам претендовать на объективность.

Считая выносимые на защиту положения в целом хорошо обоснованными автором диссертации, не перечисляя их, сосредоточусь на том, что мне показалось наиболее интересным и новым.

В первой главе таковым представляется вывод о большей консервативности, проявляемой в отражении инновационной модели «три стола» деловыми памятниками конца XIV – XVI вв. в сравнении с синхронными им летописными текстами. Он выразительно демонстрирует существование двух самостоятельных иерархий книжных и некнижных текстов: гибридные памятники, располагающиеся внизу книжной иерархии, оказываются более свободны в языковом отношении, чем занимающие

верхний ярус не книжной иерархии акты, воспроизводящие шаблоны деловой документации.

Из интересных грамматических наблюдений, сделанных автором в первой главе, отмечу выявленные в Двинском летописце и Холмогорской летописи примеры с необычной синтаксической связью типа *два столы*. Все они, как отмечает А. Н. Антонова, «поддерживаются различными типами благоприятных контекстов», например, соседством с сочетанием с числительными 3-4, для которых такая связь нормальна. Внимание к специфике контекста лежит в основе любого нюансированного описания грамматических явлений, и в данном случае А. Н. Антонова применяет этот принцип очень удачно. Тот же подход позволяет ей в разделе о простых числовых группах с числительными 5-10 выявить специфику сочетаний с предлогом *по*, в которых, на фоне господства в других контекстах соположения числительного и существительного в одной падежной форме («пятью гривнами»), сохраняется древняя модель управления числительным формой РП существительного («по пяти гривен»). Автор убедительно связывает эту особенность (сохраняемую сочетаниями с *по* и в современном языке), с дистрибутивной семантикой таких сочетаний.

Во второй главе отмечу оригинальную трактовку аппроксимативных конструкций с предлогом «съ»: А. Н. Антонова считает их семантически и генетически связанными с конструкциями, выражающими количественную соотнесенность с какой-либо величиной (*съ единь днь не имуть брашна*) или же сопоставление двух предметов по величине (*Бысть град великъ съ яблоко с садовое*). Несомненный интерес представляет также обнаруженный факт систематического использования счета по девяноста в можайских актах XVII в., где этот способ счисления используется при указании расстояний (*от Москвы два девяноста верст*). В отличие от хрестоматийных контекстов из жития Довмонта, в которых *девяносто* фигурирует как боевое подразделение, а также фольклорных примеров, здесь «два девяноста» оказывается нейтральной формой обозначения числа 180,

выступая на фоне обычных составных числительных: «сто пятьдесят», «сто шестьдесят», «сто семьдесят», но «два девяноста».

Из выводов третьей главы наиболее ценно обнаружение автором в нескольких летописных источниках (Псковской 3-й летописи, Типографской летописи и Двинском летописце) устойчивой тенденции к семантическому распределению согласования глагольных форм с числовыми сочетаниями в единственном и множественном числе в зависимости от пассивности/активности субъекта.

Характеризуя в заключении к диссертации общую картину синтаксиса числительных в исследованных памятниках, А. Н. Антонова констатирует, что «с одной стороны, примерно к середине XVII в. формируется то состояние системы, которое мы имеем на сегодняшний день; а с другой стороны, в этот период намечаются различные синтаксические решения и пути, по которым в итоге развитие системы числительных в русском языке не пошло». Относительно последних стоит заметить, что эти отвергнутые системой пути и решения могут выглядеть как тупиковые в перспективе современного литературного языка, в которой исторический материал преимущественно рассмотрен в диссертации. Бы очень интересно проследить их возможное развитие в говорах русского языка, но это уже перспектива на будущее.

Перехожу к замечаниям, возникшим у меня по ходу чтения диссертации. В разделе «Обратный счет и «счет вперед»» А. Н. Антонова справедливо сопоставляет числовые конструкции типа «30 лет без трех» и типа «60 человек да 4», но трактует их соотношение парадоксальным образом, а именно, последние рассматриваются как «зеркальные» по отношению к обратному счету. Здравый смысл подсказывает противоположное: это конструкции обратного счета зеркальны по отношению к тому, что автор называет «счетом вперед» и что на самом деле есть базовый способ обозначения соответствующих чисел натурального ряда, только с использованием соединительного союза. Справедливости ради замечу, что во

введении к главе все сформулировано правильно: «счет вперед» рассматривается как отражающий «исконный тип союзных сочетаний разноразрядных числительных», а конструкции обратного счета – как зеркальные по отношению к нему.

Попутно отмечу интересное наблюдение автора диссертации по поводу порядка компонентов в конструкциях «счета вперед». Осмысляя такие конструкции по модели «целое + остаток», А. Н. Антонова отмечает, что «в абсолютном большинстве примеров «остаток» указывается после «целого», однако в Псковской III летописи встречаются числовые сочетания, в которых остаток указывается до целого: *всь Псковъ дал на вече 30 рубливъ да сто (ПЛ л170об, 1476); два человека да 20 (ПЛ л167об, 1476)*». Этот необычный с современной точки зрения порядок явно архаичен и может быть соотнесен с характерным для берестяных грамот способом указания комбинированных денежных сумм, при котором сначала называется число единиц меньшего разряда, а затем – большего, например: *цѣто же за мѣною твориши за мѣною осмь коунъ и гривна (№ 238)*.

В разделе, посвященном глагольному согласованию при числовых сочетаниях в деловых памятниках XV-XVII вв., автор констатирует, что актам Северо-восточной Руси кон. XIV – XV вв. не свойственно семантическое распределение форм мн. и ед. числа по признаку активности/пассивности субъекта. Между тем, приведенные семь примеров распределены явно не случайным образом: в пяти контекстах со сказуемым в форме ед. числа субъект является неодушевленным (*стоит полтораста саженеи дровъ*), тогда как в двух примерах с множ. числом в роли субъекта выступают в одном случае два лица (*Не два нас, г(осподи)не, толко были перед Тимофѣем*), а в другом – два транспорта, управляемые, разумеется, людьми: *два павозка ходят на рѣку на Оуглу по сол(ь) монастырю, а два павозка ходят оу них на Бѣлоозеро по рыбу*. Едва ли такое соотношение позволяет говорить о «свободном колебании числовых форм сказуемого».

В §3.2.1 автор, анализируя динамику использования в исследованных памятниках формы ж. рода ед. числа определения при числовых сочетаниях, отмечает устойчивое употребление в Псковской 3-й летописи сочетаний «вся 3 собора/соборы» и «вся 5 соборов» и предполагает, что в данном случае употреблению формы ж. р. могла способствовать омонимия с книжной формой И/В падежей множ. числа мягких основ местоименного склонения. В подтверждение возможности такого влияния А. Н. Антонова ссылается на контекст «на вся полку русскыя», с обычной церковнославянской формой ВП местоимения. Но здесь принципиально важно, есть ли в Псковской 3-й летописи формы на -я в *именительном* падеже. Если они имеются, то нет нужды видеть в сочетании «вся 5 соборов» форму ж. рода ед. числа; если же их нет – то лишним оказывается допущение книжного влияния.

Комментируя интересный контекст из той же Псковской 3-й летописи «и взяша немѣцкого города два», в котором определение употреблено в форме РП ед. числа, А. Н. Антонова ссылается на наблюдение А. Е. Супруна о распространенности «в пушкинских местах» «согласования определения в РП ед. ч. типа «два ловчего», «два малого». Вероятно, А. Е. Супрун квалифицировал эти контексты иначе, так как никакого «согласования определения» в них нет, а есть управление РП субстантивированного прилагательного.

В §3.2.1, разбирая представленные в АСВР модели сложных числовых групп с определением, автор диссертации иллюстрирует модель «числ.+сущ.+сущ.+опред.-прил.,» и «числ.+сущ.+опред.-прил.+сущ» следующими контекстами: *двацат(ь) алтын ден(е)гъ ходачих; а дал есми им... десат(ь) рублей московских денег ; а взял есми... шесть рублей московских денег.* Между тем, прилагательные в этих примерах относятся не к существительному, которым управляет числительное (алтын, рубль), а к управляемому этим существительным генитиву *денег*. С точки зрения выбора падежа определения при числовых сочетаниях эти примеры не релевантны.

В том же параграфе модель «числ. + сущ. + опред.-прил.» в Никоновской летописи иллюстрируется примерами: *«здѣлали двѣ церкви каменные»* и *«а девять Татариньвъ живыхъ изымаль»*. Но если в первом примере мы действительно имеем дело с определением при числовом сочетании, то во втором *живых* находится в позиции второго винительного, и альтернативу ему составляет не винительный, а творительный падеж. Здесь же в качестве примера «инновационной» модели «числ. + опред.-прил. + сущ.» приводится контекст *«на двѣ тысячи золотыхъ соболей»*. Обращение к источнику показывает, что такая синтагма в тексте отсутствует: царь послал патриарху с митрополитом *«золотыхъ соболей» «на две тысячи» (рублей)*. К сожалению, в подобных случаях (а число их можно умножить), автор выделяет модели порядка слов в числовых сочетаниях без должного внимания к синтаксической структуре контекста.

Общим недостатком построения данного раздела представляется рассмотрение материала одновременно в двух аспектах: с точки зрения выбора между Р. и И/В падежом определения и с точки зрения структуры числового сочетания. Ставя во главу угла второй параметр, А. Н. Антонова вынужденно смешивает контексты, в которых родительный падеж может составить альтернативу винительному, с такими, в которых эта альтернатива отсутствует. В результате реальная динамика процесса ускользает от наблюдения.

Особо продвинутую картину распространения инновационных форм РП А. А. отмечает в можайских актах XVII в., где такие формы составляют абсолютное большинство. Так, для модели «опред.-прил.+числ.+сущ.» на 24 примера с РП приходится только один с ИП. Это преобладание, однако, обманчиво. Все приведенные примеры выступают в одинаковых контекстах, подытоживающих перечни однородных объектов (чаще всего дворов): *и всего бобыльскихъ четыре двора*. Обратившись к самому документу, обнаруживаем, что формы родительного падежа являются в подобных контекстах зеркальным соответствием родительного темы в начале перечня:

«Да в той же Зарѣцкой слободкѣ *бобыльскихъ дворовъ*: во дворѣ Ивановская жена Чепурина вдова, во дворѣ Ивашка Почапинъ, во дворѣ Шестачко Бородинъ, во дворѣ вдова Самойликова жена Бородина; и всего *бобыльскихъ* четыре дворы». Сочетание «бобыльскихъ четыре дворы» грамматически не образует синтагмы, представляя собой результат эллипсиса формы РП существительного во фразе «и всего бобыльскихъ (дворовъ) – четыре дворы»; говорить об экспансии РП определения в числовых сочетаниях на основе таких контекстов не следует.

Сделанные замечания не умаляют значимости диссертации А. Н. Антоновой, представляющей собой безусловно оригинальное исследование, базирующееся на глубоком понимании лингвистической теории и в целом аккуратном анализе обширного материала старорусских памятников. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Анастасия Николаевна Антонова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, академик РАН,

ведущий научный сотрудник

Лаборатории лингвосомиотических исследований

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Гиппиус Алексей Алексеевич

02.04.2024

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание.

Адрес места работы:

101000, г. Москва, [ул. Мясницкая, д. 20](#).

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”», факультет гуманитарных наук, Лаборатория
лингвосемиотических исследований

Тел.: +7 495 772-95-90 *22161; e-mail: gippius@hse.ru

Подпись сотрудника НИУ ВШЭ А. А. Гиппиуса

удостоверяю: